

Прощание с иллюзиями: анализ общества позднего модерна Андреаса Реквица*

RECKWITZ A. (2019). DAS ENDE DER ILLUSIONEN: POLITIK, ÖKONOMIE UND KULTUR IN DER SPÄTMODERNE. BERLIN: SUHRKAMP. 305 S. ISBN 978-3-518-12735-3

Александр Сувалко

Научный сотрудник Лаборатории исследований культуры,
Институт исследований культуры, факультет городского и регионального развития;
преподаватель Школы философии и культурологии, факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: asuvalko@hse.ru

Современным немецким исследователям в нашей стране последнее время изрядно не везет. Только этим можно объяснить отсутствие перевода на русский язык хотя бы одной книги видного немецкого культуросоциолога Андреаса Реквица. Ведь за последние несколько лет ученому удалось стать одной из наиболее заметных фигур в интеллектуальном ландшафте Германии.

Андреас Реквиц учился в Бонне, Гамбурге и Кембридже. В Кембриджском университете в 1994 году он получил степень магистра под руководством Энтони Гидденса, а спустя пять лет уже под руководством Макса Миллера в Гамбургском университете защитил диссертацию «Трансформация культурных теорий». В этой работе им был заложен прочный фундамент для его последующих исследовательских разработок. В настоящее время Андреас Реквиц занимает позицию профессора общей социологии и культуросоциологии Берлинского университета имени Гумбольдта. За последний год не было месяца, когда СМИ не публиковали бы интервью с ученым или его авторскую колонку¹.

За активную работу Реквиц в 2019 году был удостоен премии Готфрида Вильгельма Лейбница. Полученные деньги пойдут на создание исследовательского центра и на гранты молодым ученым. Петер Штрошнайдер, президент Немецкого исследовательского фонда, в поздравительной речи отметил серьезный вклад Реквица в развитие социологии, эстетики и искусствоведения: «Вряд ли кто-нибудь мог бы проанализировать (сложные структурные изменения современных западных обществ) более глубоко, чем социолог культуры и теоретик социальных наук Андреас Реквиц. В течение двух десятилетий он увлекал и обогащал экспертов

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Охрана исторических памятников и охрана природы в России: коэволюция моделей, история становления и современность», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

1. Персональная страница Андреаса Реквица. URL: <https://www.sowi.hu-berlin.de/de/lehrbereiche/allgemeine-soziologie/professur/medien> (дата доступа: 07.03.21).

и публику серией влиятельных исследований»². В истории премии профессор Реквиц стал четвертым социологом среди 385 лауреатов, получивших ее с 1986 года.

Прежде чем начать разговор о книге, позволим себе краткий обзор его наиболее известных работ. «Трансформация теорий культуры: к развитию одной теоретической программы» (2000) — расширенная версия диссертации Реквица, доработанная им в книгу. В ней он последовательно разъясняет, что делает культурные теории самостоятельными и привлекательными для исследователей по сравнению с традиционными версиями социальной теории. В книге «Гибридный субъект: теория культур субъективности от буржуазного модерна к постмодерну» (2006) автор обращается к культурной и социальной истории Запада с XVIII века до наших дней. В ней он повествует о том, как современному субъекту приходится сталкиваться с противоречивыми требованиями самодисциплины, саморепрезентации и самореализации, выдвигаемыми новым социальным порядком. В работе «Изобретение креативности: к процессу общественной эстетизации» (2012) рассматривается ответ на вопрос о том, как творчество может стать важной частью общества позднего модерна в условиях постоянного производства новых форм³. В 2017 году вышла работа «Общество сингулярностей: к структурным изменениям модерна», в которой Реквиц подробно разрабатывает простую мысль — социальная логика всеобщего меняется на логику сингулярного, то есть особенного (или исключительного). Если в послевоенное время вплоть до конца 1970-х люди жили, опираясь на общие представления о браке, профессиональной занятости, политических взглядах, и в повседневной жизни опирались на понятные образцы в выборе одежды, еды или путешествий, то благодаря различным культурным и социально-экономическим изменениям стала доминировать установка на то, что универсальное больше не выступает в качестве ориентира, напротив, ценится акцент на особенностях, на чем-то нетипичном и не подвергающемся макдональдизации.

В 2010 году, спустя 10 лет после выхода «Трансформации теорий культуры», на русском языке появилось первое упоминание работы Реквица — Людмилой Гирко был подготовлен реферат книги для Социологического ежегодника ИНИОН РАН⁴. В прошлом году в «Logos Review of Books» вышла рецензия Виталия

2. *Strohschneider P.* (2019). Leibniz-Laudationes 2019. URL: https://www.dfg.de/download/pdf/gefördert_e_projekte/preistraeger/gwl-preis/2019/laudatio_reckwitz.pdf (дата доступа: 07.03.21).

3. За подробным объяснением обратимся к Ричарду Флориде, на которого ссылается Реквиц: «Ядро креативного класса составляют люди, занятые в научной и технической сфере, архитектуре, дизайне, образовании, искусстве, музыке и индустрии развлечений, чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых технологий и нового креативного содержания. <...> Эти люди занимаются решением сложных задач, для чего требуется значительная независимость мышления и высокий уровень образования и человеческого капитала» (Флорида Р. [2007]. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. А. Константинова. М.: Классика-XXI. С. 23).

4. Гирко Л. (2010). А. Реквиц. Актуальные тенденции теорий культуры // Социологический ежегодник. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-rekviits-aktualnye-tendentsii-teoriy-kultury> (дата доступа: 07.03.21).

Куренного на «Общество сингулярностей»⁵. В русскоязычном интернете также можно найти переводы интервью Андреаса Реквица, в одном из которых он говорит об обострении эмоциональной реакции на последние политические события в Германии в 2020-м⁶, а в другом обращает внимание на рост влияния популистов в западном мире⁷. Также на онлайн-платформе dekoder опубликована переводная рецензия на книгу «Конец иллюзий»⁸. Последние работы Реквица хорошо известны широкой публике в Германии, англоязычном мире и даже в Китае. В 2017 году на английский была переведена работа «Изобретение креативности», в 2020 году вышло «Общество сингулярностей», а годом ранее этот интеллектуальный бестселлер был переведен на китайский язык.

Часто на социальные изменения самыми первыми реагируют современные художники. Так, например, уральский художник Тимофей Радя подготовил внушительную инсталляцию FUTURE, буквы которой были подожжены, чтобы усилить эффект отказа от будущего, отказа от иллюзий позитивных изменений. В этом отношении чрезвычайно актуальной выглядит последняя книга Реквица — «Конец иллюзий: политика, экономика и культура в эпоху позднего модерна», вышедшая в 2019 году в издательстве Suhrkamp. Главная тема книги — уточнение ряда позиций из «Общества сингулярностей» и «Изобретения креативности», углубление в историческую перспективу политических парадигм и попытка выяснить, как могут вместе сосуществовать непримиримые враги, которых сегодня с большим трудом можно разделить на «левых» и «правых». Под «концом иллюзий» Реквиц понимает окончательное завершение либерального нарратива, который на протяжении тридцати предыдущих лет доминировал в описаниях модернизации. Название книги частично заимствовано у Леопольда Шварцшильда, немецкого публициста и социолога, который написал книгу «Конец иллюзий» (1934), уехав из Германии в 1933 году. В своем исследовании Шварцшильд, объясняя популистский характер политики национал-социалистов, так сформулировал свой скептицизм в отношении материалистической теории истории: «Воля к власти — не менее материальный факт, чем воля к прибыли»⁹. Таким образом, Реквиц обращается к давней традиции публицистов, раскрывающих суть популистских идей.

Книга состоит из пяти эссе, в которых Реквиц подробно останавливается на современных культурных конфликтах, классовой трансформации и выделяет три класса (новый средний класс, старый средний класс и прекариат), описывает

5. Куренной В. (2020). Общество сингулярностей и новые классы: культур-социология Андреаса Реквица // Logos Review of Books. 2020. № 1.

6. Реквиц А. (2020). «Одна из особенностей „Я“ позднего модерна — крайнее обострение чувствительности». URL: <https://www.colta.ru/articles/society/23715-andreas-rekvits-ob-emokratii> (дата доступа: 07.03.21).

7. Реквиц А. (2020). Популизм и глобальная «война культур». URL: <https://vzagranke.ru/nauka/populizm-i-globalnaya-vojna-kultur.html> (дата доступа: 07.03.21)

8. Реквиц А. (2020). «Больше ни правых, ни левых». URL: <https://www.dekoder.org/ru/article/bolshe-ni-pravyh-ni-levyh> (дата доступа: 07.03.21).

9. Schwarzschild L. (1934). Das Ende der Illusionen. Amsterdam: Querido. S. 251.

устройство поляризованного в классовом отношении постиндустриализма и когнитивно-культурного капитализма, парадоксы измученной самореализации современной культуры и т. д. Последнее эссе посвящено кризису современного либерализма, в нем автор подробно останавливается на том, что вера в грандиозный либеральный нарратив социального прогресса все больше сменяется разочарованием в нынешних структурных изменениях современности. Это разочарование выражается, например, в подъеме популистских партий правого толка, вызванном финансовыми кризисами и террористическими атаками. Реквиц считает, что настало время в равной степени попросить и с эйфорией, и с катастрофическим настроением от происходящего и трезво взглянуть на то, что произошло за последние десятилетия.

В настоящей рецензии мы попробуем очертить круг основных идей Реквица, оценить влияние на него исследователей, занимающихся схожей проблематикой, а также обратимся к другим текстам немецкого ученого.

Гиперкультура и культурный эссенциализм: возможны ли стратегии сосуществования?

В начале книги Реквиц формулирует фундаментальное различие двух противоположных взглядов на культуру и их устройство в обществе позднего модерна. Наряду с модернизацией, рационализацией и т. п. немецкий ученый описывает процессы, которые он называет культурализацией (*Kulturalisierung*). Понимание культуры за время существования человека претерпевало различные изменения¹⁰. Ранний модерн характеризовался ее пониманием через сопереживание образу жизни немногих — дворян, аристократии и т. п. С другой стороны, вопрос понимания культуры всегда был сопряжен с вопросом ценностей, когда одним вещам приписывается ценность, другие же объявляются ничемными¹¹. У сферы культуры, продолжает Реквиц, всегда был важный оппонент — это сфера рационального, для которой важно достижение конечного результата самым эффективным образом посредством нейтральных процедур в новом «расколдованном мире». Культура до 1970-х гг. всегда существовала в своеобразных убежищах — театрах, концертных залах и музеях, где образованные классы могли спастись от предельной рациональности логики. Критика этих культурных форм и ее понимание также были доступны немногим по той причине, что эти тексты еще нужно было уметь расшифровать.

В обществе позднего модерна сфера культуры значительно расширяется по отношению к сфере рациональности. Как и прежде, особую роль в современной

10. *Elias N.* (1978). *The Civilizing Process: The History of Manners*. New York: Urizen Books.

11. В теории различений Бурдьё для характеристик классового общества классифицируемые практики и их результаты объединяются в систему отличительных знаков, подробнее см.: *Бурдьё П.* (1979). *Различение: социальная критика суждения* / Пер. с фр. О. И. Кирчик // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. № 3. С. 27.

культуре занимает логика атрибуции ценностей и идентичности, однако и она претерпевает свои изменения, реализуясь в двух направлениях — в культурализации I (гиперкультуре) либо в культурализации II (культурном эссенциализме) (S. 35).

Культурализация I подразумевает образ жизни, в рамках которого индивидуум стремится к саморазвитию, «собирая совокупность фрагментов культуры на глобальном рынке культурных благ» (s. 30), где собственный культурный капитал можно пополнять до конца жизни, выбирая между японским минимализмом, занятиями бразильским джиу-джитсу, увлечением американским барбекю, фотографией редких видов насекомых, покупками в секонд-хэндах или ежедневным походом в кофейню, владельцы которой лично знают своих фермеров в Эфиопии. Такой космополитический подход Реквиц называет гиперкультурой (Hyperkultur), где помимо разнообразия услуг и товаров, перемешивающихся между собой, с ними сталкиваются индивиды в поисках личного развития (S. 36–37). В этом смысле вещи у Реквица не наделяются агентностью, но могут выступать в качестве эстетического объекта и источника вдохновения. В одном из интервью Реквиц дает пояснение, что культура в настоящее время означает плюрализм культурных благ, которые циркулируют на глобальных рынках и предоставляют людям ресурсы для саморазвития¹².

Важнейшую роль на рынках гиперкультуры играют креативные индустрии: IT-сфера, дизайн, архитектура, туризм и т. п. Основу этой экономики составляют крупные города, центры сосредоточения нового среднего класса, составленного из высококвалифицированных специалистов. Неоднократно подвергнутая критике теория креативного класса Ричарда Флориды вновь оживает в книге Реквица.

Культурализация II представляет собой оппозицию гиперкультуре и характеризуется мобилизацией индивидов в формирующиеся «новые сообщества» (Neo-Gemeinschaften) нравственной идентичности. Подходящим способом существования этой формы является модель культурного эссенциализма (Kulturessenzialismus). Реквиц даже называет это формирование новых сообществ «интернационалом культурного эссенциализма» (S. 42). Представителями этого направления являются фундаменталистские течения в рамках трех монотеистических религий, радикальные националисты, наиболее заметные лидеры которых представлены в России, Китае или Индии, а также правые популистские движения в Европе и Северной Америке. Действия сторонников модели культурного эссенциализма направлены на укрепление собственной культурной идентичности через конфликт с глобальной и более гибкой гиперкультурой. Основное отличие, которое разделяет оба лагеря, относится именно к вопросу о ценностях. Для гиперкультуры главная установка — это ставка на самореализацию, тогда как для культурного эссенциализма роль стержневой основы играют ценность сообще-

12. Reckwitz A. (2018). Globale Konflikte: Der Kampf um das Kulturverständnis // Deutschlandfunk. 2017.30.04. URL: https://www.deutschlandfunk.de/globale-konflikte-der-kampf-um-das-kulturverstaendnis.1184.de.html?dram:article_id=418700 (дата доступа: 07.03.21).

ства и собственная культура с глубокой историей и пониманием ее генезиса. Немецкий социолог предлагает называть радикальные фундаменталистские и правые движения неосообществами (Neo-gemeinschaften), потому что, в отличие от традиционных сообществ, представители этих групп не были рождены внутри этих коллективов. Параллельно с неосообществами существует гиперкультура («Конец иллюзий») и рынок сингулярностей («Общество сингулярностей»)¹³.

Одним из ярких примеров формирования неосообщества может служить националистическая байкерская группировка «Османская Германия» (Osmanen Germania). Она была основана в Германии в 2015 году и получила широкое распространение по всей стране за счет привлечения на свою сторону радикально настроенной молодежи. Группировка под видом борьбы за «защиту от растущей ненависти к исламу» занималась продажей наркотиков, оружия и т. д. По большей части организация состояла из турок, многие из которых родились в Германии. За криминальный характер своей деятельности была запрещена в 2018 году¹⁴. При этом Реквиц деликатно обходит вниманием различные феминистские движения, кампанию Me Too и движение Black Lives Matter, хотя среди них также можно найти опору на собственную историю, борьбу за самые высокие цели и т. д.

Могут ли сосуществовать гиперкультура и культурный эссенциализм? Реквиц отвечает, что тут есть две стратегии: 1) стратегия сосуществования на основе признания сходных черт; 2) стратегия отторжения неприемлемого оппонента. Первую стратегию можно назвать интегративной, в ее рамках один культурный режим включает феномены другой культуры таким образом, что обе могут мирно сосуществовать (с. 47–49). Вторая стратегия подразумевает восприятие другого как врага. В схеме, представленной Реквицем, нетрудно представить себе Россию как страну, приверженную модели культурного эссенциализма¹⁵. Риторические формы стратегии российской внутренней и внешней политики сохраняют такое клишированное противопоставление, как «духовные скрепы» и «семейные ценности» vs. «загнивающий Запад», что вполне описывается теоретическими построениями Реквица.

13. Reckwitz A. (2019). Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne. Berlin: Suhrkamp. S. 262.

14. В массовой немецкой культуре противостояние криминальных кланов показано в сериале «4 квартала» (4 Blocks, Netflix, 2017–2019), где турецкая и арабская банды делят территории влияния в берлинском Нойкёльне.

15. В 2012 г. в послании к Федеральному Собранию Владимир Путин обозначил актуальную, по его мнению, проблему в современном российском обществе — «дефицит духовных скреп». См.: Путин В. (2012). Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата доступа: 07.03.21)

Отношения между культурализацией I и культурализацией II (С. 49)

	Культурализация ¹⁶ I в связи с культурализацией II	Культурализация II в связи с культурализацией I
Сосуществование (Koexistenz)	Мультикультурализм	Исследования других культур
Антагонизм	«Открытое общество и его враги»	«Упадок Запада»

Трехклассовая дилемма позднего модерна: академический класс, традиционный класс и прекариат

Вторая глава «Конца иллюзий» посвящена описанию новой классовой проблематики, которая, казалось бы, осталась в далеком прошлом. Вместо того чтобы обращаться к классическому вопросу «как сегодня распределяются доходы и богатство?», немецкий культурсоциолог предлагает обратить внимание на изменение досуговых практик. Анализ ценностей новых классов, интерпретация изменений их стиля жизни — именно это скажет больше о трансформации больших социальных групп, чем даже самый увлекательный анализ статистических выкладок о социальном неравенстве¹⁷. Реквиц определяет класс как группу людей, разделяющих общий образ жизни, жизненные установки и повседневные практики. Сегодня образ жизни предстает как нечто, что обязательно должно быть особенным и разнообразным, универсальные же стандарты становятся малопривлекательными. Помимо обеспечивающих отличие потребительских практик, нового отношения к гендерному порядку и семейной жизни по сравнению с установками западного общества середины XX века, важными являются полученное образование и место проживания, возможность структурировать свою жизнь, исходя из способности к мобильности, выбор потребляемых СМИ и политические предпочтения (С. 66–68). Во многом образ жизни объясняется наличием того, что Бурдье называл «культурным капиталом» — формализованными или приобретенными навыками, включая внешность, которая находится в распоряжении индивида. Понятие «социального капитала» может иметь и расширительное значение в том смысле, что большую роль играет его перформативная составляющая — образ жизни одного класса может быть желательным, а образ жизни другого — наполненным стыдом и жалостью.

За многими положениями Реквица узнается влияние Герхарда Шульце, на которого первый, конечно же, ссылается. Анализ «Общества переживаний» Шульце сделан на основе количественного исследования культурных практик в г. Нюрн-

16. Понятие имеет негативные коннотации в антропологии, философии и социальных науках, связанные прежде всего с культурным расизмом. Здесь как раз используется для того, чтобы подчеркнуть сильные различия. См.: *Kulturalisierung Definition // IKUD Seminare*. URL: <https://www.ikud.de/glossar/kulturalisierung-definition.html> (дата доступа: 07.03.21).

17. *Picketti T.* (2016). Капитал в XXI веке / Пер. с фр. А. Л. Дунаева под ред. А. Ю. Володина. М.: Ad Marginem.

берге в конце 1980-х гг. в рамках исследования «Культура в большом городе». Вопросы к этой анкете во многом напоминают те же блоки, которые интересуют Реквица, — образование, место проживания, политические взгляды, выбор предпочитаемых СМИ и т. п. Но в отличие от Реквица, в основе работы Шульце лежит внушительное количественное исследование, тогда как первый предлагает описательную теорию общества позднего модерна.

До 1980-х гг. теоретические описания западного общества предполагали общую однородную структуру среднего класса. В обществах позднего модерна, согласно анализу Реквица, средний класс делится на три — восходящий высококвалифицированный (или академический) средний класс, старый (или традиционный) средний класс и нисходящий новый опасный подкласс — прекариат (S. 72). На самом вершине этой новой классовой структуры, которую Реквиц называет «заклятием трехклассового общества», находится недостижимая элита. Это тот один процент, которому мы практически не будем уделять внимание, охарактеризовав его как группу людей, которая может жить за счет извлекаемой ренты, ценных бумаг и увеличивающегося с каждым годом богатства.

Основой классического среднего класса была опора на патриархальную нуклеарную семью с «нормальными» формами предсказуемого досуга. Для «одноэтажной» Америки подобный образ жизни успел получить подробное описание в академической среде¹⁸ и критику «обычного человека» в популярной культуре (см., например, фильм «Шоу Трумана» режиссера Питера Уира, 1998). Старый средний класс никуда не ушел, как пишет Реквиц, сохранив свой экономический капитал, однако утратил понимание расширяющегося либерального поля культурных практик. Реквиц предлагает забыть старое представление о среднем классе, который давно отошел в прошлое, разделившись на два класса — новый (высший и академический) средний класс и старый (низший и традиционный) средний класс.

Новый средний класс меняет социальные стандарты, задавая новое понимание «среднего» образа жизни. Не случайно новый средний класс называется академическим. Наличие большого процента людей с высшим образованием — одна из наиболее важных характеристик общества позднего модерна, которое претерпело существенные изменения за последние 60 лет. Значительно, на несколько порядков, выросло количество желающих получить университетское образование (S. 81). В связи с этим Реквиц называет представителей высшего среднего класса «академиками» (*Akademiker*), определяя их как людей с высшим (университетским) образованием и носителей определенных характеристик. Для этой группы характерен «нематериальный труд», связанный с экономикой знаний, где важную роль также играет эмоциональная вовлеченность¹⁹. Новый стиль жизни предпо-

18. *Сеннет Р.* (2002). Падение публичного человека / Пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. М.: Логос.

19. *Сувалко А.* (2015). Трудовые отношения, образование и деньги в сериале *Girls* (НВО) // Логос. Т. 25. № 3. С. 162–176.

лагают культивирование здорового образа жизни, разнообразный досуг и приверженность космополитическим взглядам. Например, представителями этого класса, в отличие от членов других страт, признается стремление к гендерному равенству.

Жизненная установка нового класса описывается в понятиях «самосовершенствования» и «успешного развития». Такая жизнь сопровождается высоким социальным статусом и профессиональным признанием со стороны коллег²⁰. Образ жизни нового класса становится привлекательным, потому что воспринимается как настоящий, что сегодня активно культивируется в литературе жанра «помоги себе сам» (self-help literature), в блогах, а также в растущем интересе к психологии и психотерапии²¹. Представитель академического класса поздней современности похож на романтического героя с картин Каспара Давида Фридриха, затерявшегося на территории ландшафтного экоотеля на Алтае. Он ценит уединение и аутентичность своего опыта, фиксируя пережитый опыт для того, чтобы рассказать о нем миру позже, но для начала ему придется уйти в «цифровой детокс», отказавшись от шума социальных сетей в своем номере с видом на горы, листая последний роман Джулиана Барнса. Как пишет Реквиц, ценности стиля жизни нового среднего класса смешиваются с «романтическим самовыражением и буржуазным интересом к образованию и самореализации» (S. 92).

Общество сингулярностей — это общество нового среднего класса, для которого важно отрицание жизненных стандартов, показанных в мыльных операх по кабельному телевидению, в пользу занятий по выстраиванию собственного проекта счастливой жизни. Реквиц предлагает более широкое понимание культуры. В нем новый средний класс присваивает себе не только ее высокие образцы, опирающиеся на триумвират симфонического оркестра, оперы и балета, но ориентируется на целый спектр переживаний исключительного опыта, интерпретируемого самим субъектом как уникальный и невозпроизводимый. Если обратиться к «Обществу сингулярностей» Реквица, то переживания представляют собой психофизический процесс присвоения мира, когда объекты внимания воспринимаются чувственно²². Любое вовлечение в переживание, будь то посещение театральной постановки, финала футбольной Лиги чемпионов или созерцание природы Приморского края, могут быть сопряжены с практикой интерпретации, если у человека есть общее знание классических литературных произведений, понимание стратегии конкурирующих составов спортивных команд или умение распознавать различные природные ландшафты, знание художественной литературы и актуальных работ акторно-сетевой теории.

20. Флорида. Указ. соч. С. 109.

21. Известия (2020). Россияне стали вдвое больше обращаться к психологам // Известия. 2020.09.11. URL: <https://iz.ru/1084248/2020-11-09/rossiiane-stali-vdvoe-bolshe-obrashchatsia-k-psikhologam> (дата доступа: 07.03.21)

22. Reckwitz. Die Gesellschaft der Singularitäten. S. 70.

Старый средний класс характеризуется более низким уровнем образования (средне-специальное образование или школьный аттестат с профессиональным дипломом специалиста в определенной сфере), большей привязанностью к одному месту проживания по сравнению с мобильным высшим классом. Для него важно представление о традиционной трудовой этике («хорошей» и «тяжелой» работе) фермерского, индустриального или даже офисного характера, что имеет мало общего с современным креативным трудом, подразумевающим постоянное производство новых форм. Старый средний класс особое внимание уделяет локальной идентичности, привязанности к конкретной местности. Эстетическая схема повседневной жизни этого класса была бы наверняка описана Герхардом Шульце как тривиальная, ее жизненной философией является гармония, а удовольствие доставляет домашний уют. Семейные обязанности этого класса строго разделены между полами и опираются на привычное представление о традиционных ценностях²³. Традиционный средний класс, сохранившийся в небольших поселениях с устойчивыми рабочими коллективами и фермерскими хозяйствами, не поспевает за ускоряющимся новым классом и либеральными культурными веяниями, компенсаторным образом реагируя на нарцисстическую культуру нового среднего класса, аккумулированного в мегаполисах.

Описание нового опасного класса (прекариата, или нового низшего класса) можно встретить у Гая Стэндинга, который внятно артикулировал его основные характеристики: негарантированный труд, отсутствие социальной защищенности и перспективного будущего²⁴. В целом Реквиц во многом следует этим же положениям, дополняя его значимыми культурными характеристиками. Во многом становлению нового класса могла способствовать демократизация отношений между полами, в рамках которых мужчина потерял свою идентичность «кормильца», позволявшую выживать в индустриальном обществе, имея понятный горизонт жизненных ожиданий (S. 103). Как правило, представители прекариата получили среднее образование и относят себя к низкоквалифицированным рабочим. Долгосрочная перспектива в форме саморазвития, характерная для нового среднего класса, практически не рассматривается представителями прекариата как достижимая или может привести к разочарованию в случае ее неудачной попытки. Ключевым кредо этого класса является установка «жизнь — борьба». Новый низший класс претерпевает и культурную девальвацию. Сегодня во многих развитых странах значительно упал интерес к рабочим специальностям, которые подразумевают тяжелый физический труд.

Другая важная черта прекариата — его социальная оторванность от современных установок в развитом западном обществе. Во-первых, это приверженность устаревшим представлениям о гендерном порядке, в котором мужчина и женщина играют строго отведенные им роли, как это было характерно для классического

23. Schulze G. (2005). Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. 2. Aufl. Frankfurt: Campus. S. 97.

24. Стэндинг Г. (2011). Прекариат: новый опасный класс / Пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ad Marginem.

среднего класса. Во-вторых, в отличие от классического среднего класса, который смог создать позитивный образ рабочего, современный низший класс больше похож на социально изолированное большинство, кумирами которого становятся селебрити из мира шоу-бизнеса или спортсмены. Третья важная характеристика — попытка представителей низшего класса «укрыться» в левых социалистических движениях, либо перейти на правые популистские позиции. Момент, на который не обращает никакого внимания Реквиц, это платформенная экономика — сервисы доставки, такси, услуг по уходу за домом и т. п., которые сегодня разрушают низший средний класс, превращая его в прекариат. В Германии платформенная экономика не получает своего развития в силу исторически сильных профсоюзов, однако в крупных мегаполисах наподобие Москвы такие сервисы, как Uber, Delivery Club, YouDo, приводят к все большей прекаризации низшего среднего класса. Интересно, как на эту растущую прекаризацию реагирует массовая культура, изображая ее возможные последствия с точки зрения отдельно взятого отчаявшегося «маленького человека»²⁵.

В одном из своих последних интервью Андреас Реквиц указывает на то, что кризис, случившийся из-за коронавируса, не обозначил какие-то новые изменения в обществе, а только усилил намеченный ранее раскол между новым академическим классом, старым средним классом и прекариатом. Люди, занятые в экономике знаний или имеющие отношение к креативным индустриям, получили, с одной стороны, привилегию работать из дома, с другой стороны, обязаны демонстрировать результат своего труда независимо от места, где этот результат обеспечивается, что приводит к тому, что значительных успехов сложнее добиться в одиночку. Хороший качественный продукт в креативной экономике получается только при участии целого творческого коллектива, общающегося в неформальной обстановке. Ценным является проведенное вместе «качественное время», а не мучительные Zoom-конференции, следующие одна за одной в течение рабочего дня. С другой стороны, работники, занятые тяжелым физическим трудом или в сфере обслуживания, лишены раз получили подтверждение тому, что их работа является социально значимой, без нее существование других индустрий остается невозможным²⁶. Вместе с тем она по-прежнему остается малопривлекательной

25. Один из последних сериалов Netflix, и в том числе один из немногих французских сериалов на международной платформе — *Dérappages (Inhuman Resources, 2020)*, вышедший по следам движения «желтых жилетов». Это история о злом среднестатистическом человеке, который сражается с эйджистским обществом в надежде сохранить свою жизнь на плаву. Герою сериала 50 лет, и уже 6 из них он без работы перебивается нестабильным заработком. В надежде расправиться с долгами он ввязывается в организацию нестандартного собеседования, сотрудничая с крупной корпорацией, которую хочет ограбить, инсценируя захват заложников.

26. Одним из последних ярких случаев стал эпизод с кузнецом Иваном Высоканским, который с помощью социальных сетей очень доходчиво ответил всем, кто называет простых рабочих нищими («нищобродами» — ориг.), сославшись на то, что именно благодаря их работе возможно существование других отраслей экономики (Телеканал 360 [2021]. «Хватит! Накипело!»: кузнец из Челябинска обратился к тем, кто считает работяг нищобродами // Телеканал 360. 2021.20.02. URL: <https://youtu.be/MUqgzWYQIIY> (дата доступа: 07.03.21).

с точки зрения социального престижа, несмотря на дополнительные выплаты во время карантина²⁷.

Кризис либерализма и поиски новой политической парадигмы

Последняя глава дает название всей книге, а также возможность посмотреть на последнее десятилетие в целом как на апогей фундаментального политического кризиса. В последние годы, начиная с 2010-х, набирают популярность популистские движения «против либеральных элит и их экономической и культурной гегемонии во имя воображаемого „народа“» (S. 239). Как правило, большую популярность, чем прежде, завоевывают «правые» политические круги. Наиболее яркие события на политической арене последних лет являются лишним тому подтверждением: избрание Трампа, Брексит, рост популярности таких партий, как Альтернатива для Германии и Национальный фронт во Франции. События последних лет при этом трудно поместить в классические рамки политического разделения на «правых» и «левых». Конец первого десятилетия XXI века ознаменовался рубежом смены политической парадигмы старого социал-корпоративизма на регулятивный либерализм, стремящийся к социально-экономическому и культурному регулированию.

Но сначала разберемся с предложенными Реквицем понятиями. Политическую парадигму он понимает как состояние, предлагающее образы мышления, которые могут успешно работать в политической сфере и доминировать в дискурсивной борьбе с оппонентами. Политическая парадигма выражает «единственно верный взгляд на вещи», становясь гегемонией.

В своем исследовании Реквиц заимствует понятие «парадигмы» у классика философии науки Томаса Куна, согласно идеям которого, научная парадигма — общепринятый среди ученых метод принятия решений, применяемый в случае появления проблем. Кризис научной парадигмы возникает тогда, когда количество возникших аномалий превышает объяснительные возможности парадигмы. Реквиц предлагает произвести перенос понятия парадигмы из философии науки на изучение позднего современного общества Запада. Таким образом, он предлагает рассмотреть, как политические парадигмы возникают в историческом кризисном контексте, разрабатывают собственные методы управления, для которых мобилизуют поддержку и воплощают конкретные политические решения (S. 244).

В отличие от классического понимания научной парадигмы, заданной Куном, политические парадигмы содержат в себе ценностные антагонизмы, утопии желаемого и внушительный потенциал эмоциональной самоидентификации. Более того, характер политической парадигмы крайне неоднороден, в ней могут быть свои «правые» и «левые», которые могут находиться в состоянии противостояния,

27. Reckwitz A. (2020). «Prämiert wird Arbeit, die einen Unterschied macht» // Philosophie Magazine. URL: <https://www.philomag.de/artikel/andreas-reckwitz-praemiert-wird-arbeit-die-einen-unterschied-macht> (дата доступа: 07.03.21)

но обладают потенциалом к общему пониманию в решении общественно значимых проблем (S. 244–245). В качестве наиболее яркого примера такой ситуации лучше всего представить себе социально-корпоративную парадигму в сочетании с устойчивой и предсказуемой поздней индустриальной моделью, которая существовала вместе с социальной поддержкой государства всеобщего благосостояния. Эта модель успешно просуществовала в период с 1945 по 1970-е гг.

Реквиц указывает, что каждая политическая парадигма должна иметь дело со следующими проблемными составляющими. Первая — социально-экономические проблемы, возникающие при финансовых кризисах и высокой безработице; вторая составляющая — такие социокультурные проблемы, как социальное отчуждение и кризисы мотивации, и третья — практические проблемы демократии, которые ставят под вопрос легитимность конкретной политической системы.

Различия «правых» и «левых» в условиях политических парадигм (S. 251)

	Парадигма регулирования	Парадигма динамизации
Левые	Этатистская социал-демократия	Левый либерализм
Правые	Консерватизм	Экономический либерализм

Оригинальность анализа Реквица заключается в том, что он предлагает обратить внимание на государство с точки зрения трансформаций парадигмы регулирования (*Regulierungsparadigma*) и парадигмы динамизации (*Dynamisierungsparadigma*) в исторической перспективе (см. таблицы 2 и 3). В парадигме регулирования внимание акцентировано на политику формирования порядка в целях фиксации строго очерченных границ и общепринятых норм, не обязательно зафиксированных в законах. Тем не менее они подвергаются культурной кодификации на таком уровне, когда каждый агент знает, как стоит поступать в тех или иных случаях с опорой на традицию и мнение «центра»²⁸. Парадигма динамизации сосредоточена на децентрализации и максимальной открытости в пользу индивидуальных свобод. Этап, следующий за социально-корпоративной парадигмой периода 1940–1970-х в условном западном мире, Реквиц определяет как динамическую парадигму апертистического (т. е. открытого) либерализма (*apertistischen Liberalismus*), «как в его неолиберальной, так и в леволиберальной формах, обе из которых, безусловно, имеют глобальный характер» (S. 250).

28. В качестве «центра», как нам кажется, у Реквица выступают государственные институты и think tanks, которые задают политическую повестку.

Политические парадигмы и социальные проблемы в историческом развитии (S. 253)

	Реагирование на социально-экономическую проблему	Реагирование на социокультурную проблему
1945 Социально-корпоративная парадигма	Кейнсианство/Вельфаризм	«Народный дом» (Volkshheim)/ «Сформированное общество»
1970 Кризис чрезмерного регулирования		
1980 Парадигма апертистического либерализма/парадигма динамизации	Неолиберализм	Левый (социальный) либерализм
2010 Кризис чрезмерной динамизации		
2020 Воплощение либерализма?	Новое экономическое регулирование?	Формирование нового культурного порядка?

Основной вопрос, который беспокоит Реквица, касается того, почему парадигма либерального регулирования и либеральной динамизации оказалась в кризисе и что это может означать для текущих событий.

Кризис чрезмерного регулирования характеризуется первым и вторым нефтяными кризисами, последствиями студенческих протестов 1968 года в виде последовавшего за ними «альтернативного» движения молодых ученых, недовольных сложившейся системой регулирования, стремящейся к производству предсказуемого единообразия и конформизма. В это же время происходит развал классической фордистской системы. Он включает в себя изменения, связанные с развитием экономики знаний, которая подразумевает трансформацию привычной маскулинной корпоративной культуры, направленную на внедрение на предприятиях практик, связанных с психоанализом, ранее использовавшихся для нормализации семейных отношений, а также различных феминных атрибутов: внимания к эмоциям, способности к эмпатии, контроля за гневом и т. п. В это же время начинают формироваться «низовые» движения, ориентированные на привлечение внимания к феминистской проблематике, экологии и многие другие, которые предъявляют не решавшиеся ранее проблемы, связанные с перепроизводством, недостаточной репрезентацией женщин в публичной политике и т. п.

Структурные изменения напрямую затронули повседневные практики среднего класса, который, с развитием контркультурных движений, выступавших против ценностей массовой культуры, больше не вписывался в актуальную для того времени культурную модель. Именно на этом этапе были заложены основы общества сингулярностей.

Парадигма апертистического либерализма характеризуется общим дерегулированием, динамизацией ранее устоявшихся форм, а также интенсификацией мобильности. Параллельно с освоением новых рынков левый либерализм подразумевает создание особых институтов в виде открытых дискуссионных площадок (или фондов по поддержке культурных инициатив), нацеленных на открытие идентичностей отдельных культурных групп, ранее исключенных из публичного поля. Этот период характеризуется становлением политики различий, где, с одной стороны, культивируется рыночная мобилизация, с другой стороны, происходит мобилизация различий между культурными идентичностями (S. 263–264).

Первый симптом кризиса апертистического либерализма, фиксируемый Реквицем, это увеличение социального неравенства как следствие кризиса 2008 года, который закрепил демонтаж механизмов государственного контроля в сфере регулирования финансов и налоговых сборов. Второй беспокоящий Реквица симптом связан с культурным изменением — политикой мультикультурализма и политикой идентичности. Начиная с 1990-х гг. либеральная политика мультикультурализма, выстроенная вокруг интеграции мигрантов, привела к тому, что многие культурные общины оказались самосегрегированными или закрепились в представлении коренных жителей как дискриминируемые по таким критериям, как этническая принадлежность и религия. Третий симптом связан с недоверием к либеральным институтам — все меньше людей голосует на избирательных участках. Голосование по Брекситу было скорее попыткой населения «вернуть контроль» над реальной политикой. В этом же направлении с 2010 года развивается общее недоверие людей к классическим демократическим институтам, что выражается в высокоэмоциональной форме производства мнений и воли людей в цифровых медиа (S. 271–276).

Рост популистской политики правого толка — одно из главных беспокойств Реквица. Верховенство закона и система сдержек и противовесов как важнейшие достижения послевоенных западных обществ находятся под угрозой популизма, который представляет собой модель антилиберальной демократии, в рамках которой «воля народа должна выражаться прямо и непрерывно в политике» (S. 278). Поэтому такие политические фигуры, как Трамп, заявляют о том, что именно они знают, чего хочет народ на самом деле, основываясь на представлении о «настоящих» американцах. Подобная политика подразумевает глобальную закрытость — попытки перенесения производств в собственную страну из желания подыграть униженному старому среднему классу, ограничить миграционные потоки и, наконец, просто «сделать Америку снова великой» за счет активизации ресурсов национальной идентичности²⁹. Заканчивая свои размышления о росте популизма правого толка, Реквиц приходит к выводу, что попытка вернуть суверенное национальное государство, регламентированное индустриальное общество и культурную однородность наверняка приведет к изменениям политического ландшафта

29. В России существуют свои популистские движения, которые выступают со схожими позициями под лозунгом «Прекрасной России Будущего».

та, но для этого необходимо признать существующий кризис либерализма, а не становиться на путь популизма.

Апертистический либерализм переживает кризис. Основное предположение Реквица строится на том, что необходимо подготовиться к тому, что новая политическая парадигма формируется как регулируемый или укорененный либерализм (*einbettender Liberalismus*)³⁰. В основе укорененного либерализма лежат три элемента. Первый — это общественный порядок, похожий на парадигму регулирования, но не идентичный старому социальному корпоративизму. Второй — это выработка ответа на социальный и культурный запрос, в рамках которого обеспечивается гарантия сохранения институциональных рамок либеральной демократии с переносом некоторых представлений апертистического либерализма о позднесовременной динамике культуры и экономики. Третий элемент подразумевает разработку переходных механизмов смены одной политической парадигмы на другую путем встраивания во вновь созданные рамочные условия. Например, как это удалось реализовать в Германии в 1980-е гг., где вместе с переходом к парадигме динамизации были сохранены основные достижения социально-корпоративной парадигмы (S. 285–286).

В какой-то момент стиль Реквица начинает напоминать манифест. В обществе поздней современности в новой либеральной парадигме не должно быть двух вещей: становления неосообществ, а также фантазий о «новом обществе», созданном с помощью государства. Современное общество плюралистично, имеет четко выраженные классовые контуры и многонациональный характер. Влияния медиа, технологий и экологической повестки слабо подвергаются государственному планированию. Один из последних, наиболее близких примеров — это протесты против результатов выборов в Республике Беларусь, где буквально при поддержке одного телеграм-канала состоялись самые массовые волнения в истории страны. Реквиц предостерегает от излишних злоупотреблений свободой, по его словам, «собственная динамика общества нуждается в обрамлении» (S. 292).

Как «починить» позднее современное общество: рецепт Андреаса Реквица

Последний раздел «Конец иллюзий» можно назвать программным. В этой части своего исследования Реквиц обращается к пяти проблемным областям, понимание которых поможет в преодолении существующего кризиса апертистического либерализма.

За пределами меритократии. Современная культура устроена таким образом, что любое действие подразумевает оценку после его завершения. Социальный успех имеет свои квантифицируемые показатели и систему оценивания при реализации любого жизненного проекта — обучения в университете, похода в ресто-

30. Reckwitz A. (2019). Ein Ordnungsruf // Die Zeit. URL: <https://www.zeit.de/2019/47/liberalismus-regulierung-dynamisierung-demokratie-nationaloekonomie/komplettansicht> (дата доступа: 07.03.21).

ран, выбора места для путешествия или даже программы пенсионного страхования. Нынешняя культура ранжирования, которая делит людей на «победителей» и «неудачников», приводит к формированию целой группы тех, кто не получает должного социального одобрения. Реквиц предлагает выработать новый общественный договор, который бы позволил признать в принципе все виды деятельности как равные для смягчения социальных различий между ними.

Различие между городом и сельской местностью. Современные мегаполисы страдают от перенаселения, тогда как сельские районы переживают кризис нехватки рабочей силы из-за оттока перспективной молодежи, которая выбирает более перспективные места для проживания и работы. В крупных городах, по мнению Реквица, необходимо развивать социальное жилье, а на малых территориях — образовательную систему и демонстрировать привлекательность работы на региональных производствах. Первое предложение Реквица выглядит спорным, потому что проблему перенаселения оно не решит. Люди будут чаще стремиться в города, где можно позволить себе жилье с привлекательными условиями кредитования по доступной цене. Развитие образовательных учреждений на малых территориях, способных аккумулировать вокруг себя абитуриентов из других регионов, — важный шаг для их оживления. В этом отношении интересен опыт Германии, где небольшие университетские города остаются живыми именно благодаря студентам.

Базовое обеспечение инфраструктуры. Приватизация социальной среды стала причиной того, что многие инфраструктурные элементы, ранее доступные многим, были переведены в частный сектор — транспорт, образование и медицинское обслуживание. Реквиц не предлагает каких-то конкретных мер. Пример развала базового медицинского обслуживания в США, о котором можно говорить в связи с пандемией коронавируса, привел к тому, что крупные города этой финансово успешной страны оказались под наибольшей угрозой.

Поиск основных правил. Современная экономика привела к культурной плюрализации и противоречиям между представителями старого и нового среднего класса; между модниками из больших городов и людьми, занятыми тяжелым трудом в малых городах; между мигрантами и местным населением. Реквиц говорит о необходимости выработки консенсуса для редукции существующего антагонизма, потому что на сегодняшний момент «культура» является частным и/или экономическим вопросом. Строго говоря, успешному мирному сосуществованию в обществе сингулярностей требуется новая культурная политика.

Культура взаимности. Отсутствие культуры взаимности стало возможным по двум причинам. С одной стороны, в позднем современном обществе неолитеральный актер перемещается по различным рынкам, преследуя свои интересы, а левый либерал занимает позицию, исходя из которой он претендует на свои субъективные права по отношению к другим (S. 301). Проблема заключается в том, что в этих моделях отсутствует фигура гражданина, который бы чувствовал свою ответственность за общество в целом, более того, исчезает идея социальной взаимо-

помощи. Выход для новой версии либерализма Реквиц видит в создании социальных структур, открытых для всех.

В завершении своей работы Реквиц предупреждает о тех потерях, которые ждут нас в XXI веке и которые могли бы сыграть роль объединяющего начала для новой либеральной парадигмы. Первая потеря — утрата мира физического и индустриального труда из-за перехода от индустриального общества к постиндустриальному. Вторая — утрата гегемонии западными странами и сильное экономическое и политическое влияние стран Азии. Третья потеря — пересмотр устоявшейся в XX веке модели повышения материального благосостояния из-за климатических изменений.

Farewell to Illusions: An Analysis of Late Modern Society by Andreas Reckwitz

Alexander Suvalko

Research Fellow, Institute for Cultural Research, Faculty of Urban and Regional Development; Lecturer, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics

Address: 20 Myasnitskaya Street, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: asuvalko@hse.ru

Book Review: *Andreas Reckwitz*. Das Ende der Illusionen: Politik, Ökonomie und Kultur in der Spätmoderne (Berlin: Suhrkamp, 2019).